

Две знаменитости. Ги де Мопассан

Господин Патиссо обещал своему новому другу, любителю лодочного спорта, провести с ним следующее воскресенье. Непредвиденное обстоятельство изменило его планы. Как-то вечером он встретил на бульваре своего кузена, с которым виделся редко. Это был журналист, очень общительный, всюду вхожий, и он тут же предложил Патиссо показать ему кое-что интересное.

— Что вы делаете, например, в воскресенье?

— Еду в Аржантейль кататься на лодке.

— Бросьте! Вот уж тоска это катание на лодке! Вечно одно и то же. Знаете что, я возьму вас с собой. Познакомлю с двумя знаменитостями, покажу вам, как живут писатели и художники.

— Но мне предписано выезжать за город!

— Мы и поедem за город. Сначала, по пути, нанесем визит Мейсонье, в его усадьбе в Пуасси, а оттуда пешком пройдем в Медан, где живет Золя: мне поручено попросить у него следующий роман для нашей газеты.

Не помня себя от радости, Патиссо согласился.

Он даже купил новый сюртук — старый был уже немного потерт, — чтобы иметь более представительный вид. И он очень боялся, не сказать бы какой-нибудь глупости в присутствии художника или писателя, как бывает с людьми, когда они говорят об искусстве, к которому не имеют никакого отношения.

Он поделился своими страхами с кузеном, но тот только посмеялся:

— Да говорите комплименты, все время комплименты, ничего, кроме комплиментов; тогда любая глупость пройдет незамеченной. Вам знакомы картины Мейсонье?

— Ну, еще бы!

— А Ругон-Маккаров вы читали?

— От первого тома до последнего.

— Так чего же еще! Время от времени упомяните о какой-нибудь картине, процитируйте что-нибудь из романа и при этом прибавляйте: «Великолепно!!! Необыкновенно!!! Изумительное мастерство!! Поразительно!» и так далее. Таким образом вы всегда выйдете из положения. Правда, эти двое достаточно пресыщены, но, знаете, похвала всегда приятна художнику.

В воскресенье они с утра отправились в Пуасси.

В нескольких шагах от вокзала, в конце площади, они отыскали усадьбу Мейсонье. Пройдя через низкие ворота, выкрашенные в красный цвет, за которыми начиналась великолепная аллея, похожая на увитую виноградом беседку, журналист остановился и обратился к своему спутнику:

— Как вы представляете себе Мейсонье?

Патиссо колебался. Наконец он собрался с духом:

— Маленького роста, подтянутый, бритый, с военной выправкой.

Журналист улыбнулся:

— Так. Ну, пойдemте.

Слева показалось причудливое строение, напоминавшее шале, а справа, почти напротив, но несколько ниже, высился главный дом. Это было необыкновенное здание, в котором соединилось решительно все — готическая крепость, замок, вилла, хижина, особняк, собор, мечеть, пирамида, торт, Восток и Запад. Это был стиль невероятно вычурный, который мог бы свести с ума архитектора-классика, нечто фантастическое и все же красивое, изобретенное самим художником и выполненное по его указаниям.

Они вошли. Гостиная была загромождена чемоданами. Появился небольшого роста мужчина в тужурке. Что поражало в нем — это его борода, борода пророка, неправдоподобная, настоящая река, сплошной поток, не борода, а Ниагара. Он поздоровался с журналистом:

— Извините, дорогой мой, я только вчера приехал, и у меня еще все вверх дном. Садитесь, пожалуйста.

Журналист отказался:

— Дорогой мэтр! Я мимоходом явился засвидетельствовать вам свое почтение.

Патиссо в крайнем замешательстве, кланяясь каким-то автоматическим движением при каждом слове своего друга, пробормотал, запинаясь:

— Какая ве... великолепная усадьба!

Польщенный художник улыбнулся и предложил гостям осмотреть ее.

Сначала он провел их в небольшую пристройку в средневековом стиле, где находилась его прежняя мастерская, выходящая на террасу. Потом они прошли гостиную, столовую, вестибюль, наполненные чудеснейшими произведениями искусства, прекрасными вышивками из Бове[1], гобеленами, фландрскими коврами. Затейливая роскошь наружных украшений сменилась внутри необыкновенным обилием лестниц. Великолепная парадная лестница, потайная лестница в одной из башенок, лестница для прислуги в другой — лестницы на каждом шагу! Патиссо нечаянно открыл одну дверь и попятился в изумлении. Это место, название которого благовоспитанные люди произносят не иначе как по-английски, напоминало собою храм, оригинальное и очаровательное святилище, изысканное, разукрашенное, как пагода, на убранство его было, несомненно, затрачено немало усилий творческой мысли.

Потом они осмотрели парк, странный, причудливый, бугристый, с множеством старых деревьев. Но журналист решительно откланялся и, рассыпаясь в благодарностях, покинул художника. При выходе им повстречался садовник, и Патиссо спросил его:

— Давно ли господин Мейсонье приобрел все это?

Тот ответил:

— Да как вам сказать, сударь? Землю-то он купил в тысяча восемьсот сорок шестом году, но дом!!! Дом он уже раз пять или шесть сносил и опять отстраивал. Я уверен, сударь, что сюда вкочлено миллиона два, не меньше.

И Патиссо удалился, преисполненный глубочайшего уважения к художнику, не столько из-за его огромного успеха, славы и таланта, сколько потому, что он истратил такие деньги ради своей фантазии, тогда как обыкновенные буржуа отказываются от всякой фантазии, лишь бы копить деньги.

Пройдя Пуасси, они отправились пешком в Медан. Сначала дорога следует вдоль Сены, усеянной в этом месте прелестными островками, потом идет вверх, пересекает красивую деревушку Вилен, снова спускается и приводит наконец в городок, где живет автор Ругон-Маккаров.

С левой стороны показалась церковка, старинная, изящная, с двумя башенками по бокам. Они прошли еще несколько шагов, и встречный крестьянин указал им дом писателя.

Прежде чем войти, они оглядели здание. Большое квадратное строение, новое, очень высокое, казалось, породило, как гора в басне, крошечный белый домик, притулившийся у его подножия. Этот домик — первоначальное жилище — был построен прежним владельцем. Башню воздвиг Золя.

Они позвонили. Большая собака, помесь сенбернара с ньюфаундлендом, зарычала так грозно, что у Патиссо возникло желание повернуть назад. Но прибежал слуга, успокоил Бертрана, распахнул двери и взял визитную карточку журналиста, чтобы передать ее хозяину.

— Только бы он нас принял! — шептал Патиссо. — Было бы так обидно прийти сюда и не увидеть писателя!

Его спутник улыбнулся:

— Не бойтесь. Я знаю, как до него добраться.

Вернувшийся слуга пригласил их следовать за ним.

Они вошли в новое здание, и Патиссо, задыхаясь от волнения, поднялся по старомодной лестнице, ведущей во второй этаж.

Он пытался представить себе этого человека, звучное и славное имя которого раздастся теперь во всех концах света, вызывая бешеную ненависть некоторых людей, искреннее или притворное негодование светской публики, завистливое презрение иных собратьев, уважение массы читателей и безграничный восторг большинства; Патиссо ожидал, что перед ним предстанет бородатый великан с громовым голосом, грозный и неприступный на вид.

Дверь открылась, и они увидели необъятную, высокую комнату, освещенную огромным, во всю стену, окном, выходящим на равнину. Старинные вышивки покрывали стены; слева был монументальный камин с человеческими фигурами по бокам, в котором за день можно было бы сжечь столетний дуб; широкий стол, заваленный книгами, бумагами, газетами, занимал середину этого помещения, настолько просторного и грандиозного, что оно сразу останавливало на себе внимание, и лишь потом замечали человека, лежащего на восточном диване, на котором могло бы уместиться двадцать человек.

Он встал, сделал несколько шагов им навстречу, поклонился, указал рукой на два кресла и опять сел на диван, подогнув под себя ногу. Рядом с ним лежала книга; правой рукой он вертел нож из слоновой кости для разрезывания бумаги и время от времени разглядывал его кончик, близоруко щурясь.

Пока журналист излагал цель своего посещения, писатель слушал, ничего не отвечая, и только изредка зорким взглядом посматривал на него; Патиссо, все более и более смущаясь, созерцал знаменитого человека.

Ему было лет сорок, не больше, он был среднего роста, довольно плотный, добродушный на вид. Лицо его (очень похожее на те, что встречаются на многих итальянских картинах XVI века), не будучи красивым пластически, отличалось характерным выражением силы и ума. Коротко подстриженные волосы торчком стояли над высоким лбом. Прямой нос был как бы срезан слишком поспешным ударом резца, верхняя губа затенена густыми черными усами; подбородок скрывала короткая борода. Взгляд черных глаз, подчас иронический,

был проницателен; он говорил о востанной работе мысли этого человека, который разглядывал людей, истолковывал их слова, анализировал жесты и обнажал сердца. Его круглая, мощная голова хорошо подходила к имени — быстрому, краткому, в два слога, взлетающих в гулком звучании гласных.

Когда журналист изложил свое предложение, писатель ответил, что не хочет связывать себя обещанием, но что он подумает, да и кроме того, у него еще не вполне определился план книги. После этого он замолчал. Это означало, что прием окончен, и посетители, немного сконфуженные, поднялись. Но тут г-ну Патиссо страстно захотелось, чтобы знаменитый человек сказал ему хоть слово, хоть какое-нибудь слово, которое он мог бы повторять своим коллегам. И, набравшись духу, он пробормотал:

— О сударь, если бы вы знали, как я восхищаюсь вашими произведениями!

Писатель поклонился, но ничего не ответил. Патиссо, осмелев, продолжал:

— Для меня такая честь говорить сегодня с вами!

Писатель поклонился еще раз, но сухо и нетерпеливо. Патиссо заметил это, растерялся и добавил, птясь:

— Какой... ве... ве... великолепный дом!

И тут в равнодушном сердце писателя проснулось чувство собственника: улыбаясь, он распахнул окно, чтобы показать открывавшийся из него вид. Широкие дали простирались вплоть до Триеля, Пис-Фонтэна, Шантелу, до высот Отри, Сены — насколько хватал глаз. Восхищенные посетители рассыпались в похвалах, и перед ними тут же открылся доступ в дом. Им показали все, вплоть до изящной кухни, где стены и даже потолок были выложены фаянсовыми изразцами с голубым узором, возбуждавшими удивление крестьян.

— Как вы купили этот дом? — спросил журналист.

Писатель рассказал, что, подыскивая дачу на лето, он случайно наткнулся на маленький домик, примыкавший к новому зданию; его отдавали за несколько тысяч франков, за безделицу, почти даром. Писатель тут же купил его.

— Но все, что вы к нему пристроили потом, должно быть, обошлось недешево?

Писатель улыбнулся:

— Да, стоило это немало.

Посетители удалились.

Журналист, взяв Патиссо под руку, рассуждал:

— У каждого генерала есть свое Ватерлоо, у каждого Бальзака свое Жарди^[2], и каждый художник, живущий за городом, в глубине души — собственник.

Они сели в поезд на станции Вилен. В вагоне Патиссо особенно громко произносил имена знаменитого художника и великого писателя, как будто это были его друзья. Он даже старался намекнуть, что завтракал с одним и пообедал у другого.

Примечания

Новеллы из сборника «Воскресные прогулки парижского буржуа» печатались в газете «Голуа» с 31 мая по 18 августа 1880 года.

1 Бове — французский городок, известный выделкой ковров.

2 Жарди — поместье в окрестностях Парижа, непродолжительное время принадлежавшее Бальзаку и проданное им из-за связанных с ним больших расходов.